

Л.В. ШИПОВАЛОВА

*Доктор философских наук,
профессор кафедры философии науки и техники
Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия
l.shipovlova@spbu.ru*

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается концепт доверия, определяющий условия успешного общественного действия и взаимодействия. Ставится задача проанализировать те проблемы, которые в нем уже присутствуют и которые становятся актуальными в цифровой культуре. Проблематичность концепта доверие определяется двумя аспектами. Первый связан с тем, что он задает как условия активного конструктивного действия, так и основания наивности, характеризующей пассивность субъекта культуры. В этом контексте акцентируется внимание на различии между первичным и вторичным доверием и ситуацией неопределенности, характеризующей переход от первого ко второму. Второй аспект связан с тем, что доверие может относиться к различным взаимодействующим субъектам: людям, вещам, техническим устройствам, социальным институтам. В этом контексте отмечается, что говорить о довериях вещам и технологиям можно тогда, когда они рассматриваются как воплощение определенных социальных, культурных или когнитивных функций человека и активно действуют в рамках сложных социально-технических систем. Именно эти два взаимосвязанных аспекта проблематичности доверия усугубляются в контексте цифровой культуры. Цифровая культура определяется в статье через функции цифровых устройств, а также через их значимую роль в публичном пространстве. Поскольку доверие рассматривается в статье как условие конструктивного общественного взаимодействия, цифровые технологии берутся в соответствующем аспекте, в своей функции предоставления почти неограниченных возможностей для расширения коммуникации и включения в нее активных участников. В качестве примера взаимодействия рассматривается особый вид публичной научной коммуникации – взаимодействие экспертов, публики и политических субъектов по поводу научных суждений, служащих основанием принятия общественно-значимых решений. Отмечается, что цифровые технологии, обеспечивая открытость экспертных суждений и их обсуждений, служат научной обоснованности и социальной прочности итоговых решений. Однако обнаруживается, что функция посредничества в коммуникации, обеспечения открытости, прозрачности и вовлечения в дискуссии активных граждан, которую человек передает цифровым технологиям, в реальных практиках коммуникации оказывается подозрительной, не вызывает доверия, провоцирует рост неопределенности, вступает в противоречие со столь же естественным желанием сохране-

ния приватности, субъективности. Таким образом, демонстрируется, почему цифровые технологии, получая широкое публичное распространение, обостряют проблему доверия, всегда существующую в культуре.

Ключевые слова: цифровые технологии, принятие решений, научная коммуникация, субъекты культуры, эксперты, публика, власть

Благодарности: Текст подготовлен в рамках реализации проекта, поддержанного РНФ № 19-18-00210 Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости.

L. V. SHIPOVALOVA

*DSc in Philosophy, Professor,
Department of Philosophy of Science and Technology,
Institute of Philosophy, Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russia.
l.shipovalova@spbu.ru*

THE PROBLEM OF TRUST IN DIGITAL CULTURE

The article deals with the concept of trust, which determines the conditions for successful social action and interaction. The task is to analyze the problems of this concept that are already present and that are becoming relevant in digital culture. The author analyzes the problematic nature of this concept in two aspects. The first one is connected with the fact that it sets both the conditions of active action and passivity of the subject of culture. In this context, the author emphasizes the difference between primary, secondary trust, and the situation of uncertainty characterizing the transition from the first to the second. The second aspect is related to the fact that trust can refer to various interacting actors: people, things, technical devices, social institutions. In this context, the author notes possibility to speak about trust in things and technologies when they are considered as the embodiment of certain social, cultural or cognitive human functions and actively operate within the framework of complex socio-technical systems. The author defines the digital culture through the functions of digital devices, as well as through their role in the public space. Since trust is considered in the article as a condition for constructive social interaction, digital technologies are taken in their function of providing opportunities for expanding communication and including active participants in it. As an example of interaction providing by digital technologies author considers the interaction of experts, the public and political actors on scientific judgments that serve as the basis for making socially significant decisions. Digital technologies providing openness of expert judgments and their discussions serve scientific validity and social robustness of final decisions. However, their function of mediation in communication ensuring openness, transparency and involvement of active citizens does not cause trust, provokes an increase in uncertainty, contradicts the desire to preserve privacy in real communication practices. This demonstrates why digital technologies exacerbate the problem of trust that has always existed in culture.

Keywords: digital technologies, decision-making, science communication, cultural actors, experts, public, authority

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation under Grant number 19-18-00210 «Political ontology of digitalization: Study of institutional bases for digital forms of governability».

Доверие представляет собой достаточно проблематичный концепт. Об этом свидетельствует и междисциплинарный характер его исследования, и неоднозначность его употребления, и кажущаяся самоочевидность его значимости. Доверие может характеризовать климат социальной и культурной ситуации, межличностные отношения и отношения между различными компонентами социально-технической системы. Оно может восприниматься как позитивное основание общих практик действия и взаимодействия субъектов культуры, а также как негативная характеристика зависимости, слепого и наивного подчинения существующим нормам. При всей указанной неоднозначности, очевидно, что доверие закономерно считается базовой культурной ценностью, в том или ином смысле связанной с успешным взаимодействием социальных акторов. Именно так в самом общем виде мы и будем первоначально трактовать этот концепт, ставя задачу проанализировать те проблемы, которые в нем уже присутствуют и которые становятся актуальными в связи с ним в цифровой культуре.

Само по себе указанное многообразие характеристик и способов восприятия является необходимым, но не достаточным условием проблематичности концепта. Проблема возникает тогда, когда при его анализе обнаруживается противоречие. Именно тогда термин, использующийся в исследованиях, или слово, включающееся в организацию практик, обнаруживает собственную концептуальную природу, становится понятием. Существенное противоречие концепта доверие, на наш взгляд, определяется двумя аспектами. Во-первых, тем, что он задает как условия активного конструктивного действия, так и основания наивности, характеризующей пассивность субъекта культуры. Можно привести один факт (результат эмпирического исследования «доверия людям», проведенного в РФ несколько лет назад), подтверждающий указанную проблематичность, сделав при этом оговорку о недостаточности любой конкретной верификации теоретического высказывания. Факт этот обнаруживает, что «наименьшие различия по доверию к людям вообще имеют место между наименее образованными категориями и людьми с высшим образованием». Авторы исследования интерпретируют такое отсутствие различия следующим образом: «основания доверия к людям у респон-

дентов малообразованных и высокообразованных — различны: первые — более “природно-доверчивы”, вторые — имея солидный багаж знаний, уверены в собственной социальной компетентности» [1; С.36]. Мы полагаем, что именно это «отсутствие различия» выявляет существенный разрыв в культурной среде, разделяющий пассивность и активность возможного социально-политического и культурного действия. Более того, этот разрыв следует объяснить тем, что «между» двумя видами доверия обнаруживается существенное для человека состояние риска и неопределенности, обуславливающее необходимость пересборки отношения человека и окружающего мира, возобновление формирования собственной идентичности, которая не задана раз и навсегда.

Доверие, характеризующее пассивность участия в общественных взаимодействиях, мы будем называть первичным или, по аналогии с тем термином, который характеризует в психологии первичное доверие индивидуума окружающему миру, – базальным [2]. Доверие, создающее условие активности и предполагающее рефлексию относительно оснований включения во взаимодействие, – вторичным. Вторичное доверие как условие активного осознанного действия может возникнуть и возникает в ответ на вызов неопределенности, как готовность и способность с этим состоянием справляться. Отметим, что ситуация риска и неопределенности как характеристика общественного положения дел оказывается предметом философских исследований с конца XX века [3]. Ситуация неопределенна, если факты, ее раскрывающие многообразны, решения, которые требуется принимать, безотлагательны, а ценности, характеризующие позиции тех, кто принимает решения, противоречивы [4; С.1]. Проблема доверия обостряется тогда, когда переходное между двумя его уровнями состояние неопределенности становится сложно преодолимым, когда достижение вторичного доверия не устраняет полностью, но, напротив, воспроизводит и усиливает это состояние. Тогда неопределенность становится постоянным неустранимым вызовом для человека и его доверительных взаимодействий с миром и другими людьми.

Второе противоречие связано с тем, что доверие может относиться к различным взаимодействующим субъектам. Как уже было сказано выше, доверие может определять и межличностное взаимодействие и взаимодействие между различными элементами социально-технической системы, т.е. между человеком и технологиями. Пока различие между техникой и ее субъектами несущественно, пока восприятие техники и отношение к ней представляет собой перенесение отношения доверия или недоверия к тем, кто эту технику создает, обслуживает и применяет, на сами устройства, – проблемы не возникает. Проблема становится оче-

видной тогда, когда можно отделить технологии от связанных с их функционированием людей и воспринимать первые как самостоятельных акторов. Эту самостоятельность придает технологиям в частности передача им людьми, точнее распределение между ними и людьми значимых когнитивных, социальных и культурных функций. Распределение функций в процессах решения значимых общественных проблем и задач описываются Э. Хатчинсом и его последователями с помощью понятия распределенного познания (*distributed cognition*). Такие процессы создают предметное пространство для «культурной экологии» [5, 6, 7]. В этом пространстве, например, функция контроля ответственного поведения на дорогах автомобилиста передается «лежачим полицейским», функция памяти – электронной записной книжке, функция ориентации в пространстве – GPS навигатору, контроля адекватного поведения в аэропорту – специальными разметкам, регулирующим движение пассажиров и т.п. Можно также говорить о функции распространения информации и организации коммуникации, которая передается цифровым компьютерным устройствам [8].

Такое распределение создает сложные социально-технические системы, в которых человек не всегда оказывается центром, априори заданным и сохраняющим свой статус на протяжении ее работы. Здесь технологии, сложное оборудование или простые материальные вещи начинают приобретать активную роль, оказывая порой непредсказуемое для их производителя влияние на различные элементы работающей социально-технической системы, в том числе на людей, в ней участвующих.¹ То есть медиальные элементы культурных действий и взаимодействий, те средства, которые должны быть проводниками и слепым орудием их успешности, становятся их активными участниками и могут влиять на формирование доверия. Обнаруживается, что они могут трансформировать и даже исказить происходящее. Б. Латур для того, чтобы обратить внимание на неоднозначную роль средств и инструментов, предлагает проводить различие между посредниками и проводниками. Вторые – бесперебойно передают решение, информацию, действие на любое расстояние любому адресату. Первые – становятся основным пунктом взаимодействия и фокусируют на себе внимание [11; С.55-59]. Латур в качестве примера первого типа актора приводит сломавшийся компьютер. Однако мы можем обнаруживать ситуации, когда работающие сложные устрой-

¹ О значении материальных вещей в культурной коммуникации и о понятии вещь в философской традиции см. дискуссию на страницах этого журнала [9,10].

ства и их использование в значимых общественных процессах, например, цифровые платформы для общественных голосований и участия граждан в управлении, становятся предметом споров, дискуссий и подозрений. В таких ситуациях не только должно быть различено доверие людям и доверие техническим системам, но и решена проблема, связанная с тем, что средства формирования и поддержки доверия могут, напротив, усложнять его достижение, служить дополнительным источником рисков и неопределенности, о которых было сказано выше.

На наш взгляд именно эти два взаимосвязанных аспекта проблематичности доверия усугубляются в контексте цифровой культуры. Ниже мы опишем, благодаря каким собственным функциям цифровые технологии оказывают воздействие на доверие в культуре, а также раскроем, в чем выражается это воздействие. Сразу следует оговориться, что в статье не будет предложено решение проблемы доверия. Однако она будет представлять своего рода обоснование необходимости будущего исследования, направленного на выявление условий формирования вторичного доверия, активного осознанного взаимодействия всех участников работы современных социально-технических систем.

Цифровую культуру следует определить, во-первых, через функции цифровых устройств и, во-вторых, через их положение и роль в публичном пространстве. Цифровые технологии имеют четыре основные функции – счета, хранения информации, ее распространения в процессах коммуникации, а также контроля. Все эти функции технологий в эпоху цифровизации получают импульс возрастания собственной эффективности, соответствующего мощности цифровых устройств и, что самое важное, публичное распространение. Исследователи отмечают, что именно неожиданное приобретение широкого общественного статуса теми технологиями, которые были первоначально предназначены для специализированного научного и даже военного использования, вхождение их в практики повседневности, создает поле публичной цифровой культуры [12]. Характеризует это поле глобальный характер распространения информации и охвата пользователей, а также активный, а не только рецептивный характер аудитории, участвующей в коммуникации [13; С.7]. Конечно, это не означает, что такое публичное применение избавляет культурные и социальные практики от цифровых барьеров (digital divide) и соответствующего неравенства. Напротив, цифровые технологии именно в силу включения огромного количества пользователей в процессы работы с информацией создают возможности для безмерного возрастания власти, провоцируют культурное исключение и социальную несправед-

ливость. Как влияет их использование на уже существующую проблему доверия?

Коль скоро доверие в первую очередь рассматривается как условие конструктивного общественного взаимодействия, цифровые технологии также будут взяты в соответствующем аспекте и собственной функции предоставления почти неограниченных возможностей для расширения коммуникации и включения в нее активных участников. Это расширение относится к общению в социальных сетях, а также к различным целенаправленно организуем общественным обсуждениям. Возможность включения в коммуникацию неограниченного количества активных участников, а также потенциально открытый характер обсуждений следует назвать положительными тенденциями. Они служат гармонизации общественных отношений, предотвращают различного рода социальные и культурные эксклюзии, поддерживают доверие. Особенно следует отметить конструктивность взаимодействия посредством сетей и цифровых технологий в целом для научной коммуникации, которая принципиальна для нашего исследования, коль скоро наука оказывается не просто значимым общественным феноменом современности, но и условием развития общества. Конструктивность использования цифровых технологий относится к коммуникации ученых между собой (*communication in science*): формальной – цифровизации публикационных баз данных и использования их возможностей учеными для информационного обмена, и неформальной – организации непосредственного общения ученых. Быстрое реагирование на научные новости, открытое обсуждение их научным сообществом, создание широких научных коллабораций, преодоление временных и пространственных границ во взаимодействии с партнерами – все эти достижения не могут не служить развитию науки и поддержке доверительных отношений в сообществе. Нельзя также не отметить значение цифровых технологий для расширения возможностей публичной научной коммуникации (*science communication*), связанной с взаимодействием ученых с теми субъектами, которые непосредственно не занимаются наукой но, в том или ином смысле, заинтересованы в ее результатах. Эта коммуникация выражается в практиках популяризации, гражданской науки, в обсуждении метанаучных проблем (научной этики, научной политики, использования новых технологий), в дискуссиях по экспертным научным решениям. Во всех этих случаях открытость науки и привлечение к обсуждениям с ней связанным заинтересованных граждан не может не служить дополнительным средством легитимации научных исследований, создания позитивного образа науки в общественном сознании, эффективного реагирования на возникающие проблемы,

например, в ситуациях управления исследованиями или применения их результатов.

Коммуникация в современном обществе, в которую включаются в том или ином смысле ученые, явление многообразное и гетерогенное и потому мы остановимся только на одном виде публичной научной коммуникации, предполагающем необходимое участие ученых профессионалов – на коммуникации экспертов и публики, сопровождающей принятие общественно-значимых решений. Эта коммуникация может служить образцовым примером коммуникации вообще, поскольку, во-первых, она имеет широкое общественное значение, выходящее за рамки самого коммуникативного события. Во-вторых, она может считаться репрезентативной, коль скоро в нее включаются три типа взаимодействующих акторов, представляющих разные позиции интересов – граждане, эксперты и субъекты политической власти, непосредственно ответственные за принятие решений. Наука и научные субъекты – ученые и сообщество – включаются в эту коммуникацию только в том смысле, в котором они высказывают экспертные суждения, производят научное знание, непосредственно применяемое для понимания и решения практических проблем [14; P.75]. Здесь, как кажется, значение открытости экспертиз и их обсуждений, возможности сравнения различных заключений, позиций и способов аргументации, сложно переоценить. Именно эти черты коммуникации служат основанием возрастания доверия окончательному решению, которое становится не просто обоснованным с научной точки зрения, но и социально прочным, благодаря включению в процесс его выработки всех заинтересованных лиц [15]. Кажется очевидным, что цифровые технологии, обеспечивая открытость экспертных суждений и производимых на их основании решений, служат этой прочности.

Однако, анализируя межличностные коммуникации с использованием цифровых технологий, исследователи отмечают, что в социальных сетях сохраняется проблема идентификации, связанная с разделением на «своих» и «чужих» и, соответствующая неоднозначность доверия [16]. Чем большее число участников попадает в поле распределения информации, аргументировано участвует в дискуссиях, чем больше возникает дополнительных источников знания, представляющих разные позиции и соответствующие интерпретации, тем сложнее ориентироваться в этом поле. Неопределенность, порождаемая многообразием способов подачи информации и вариативностью тезисов обсуждающих ее людей, порождается цифровыми посредниками в их функции расширенного распределения информации и активизации участников, возрастает благодаря их использованию. Эта неопределенность приводит к кризису первичного

доверия индивидуума своему окружению и заставляет еще решительнее разделять информативное поле и его субъектов на «своих» и «чужих», на тех, кому следует доверять и тех, кто допускается в дискуссии, однако доверием не пользуется.

Особую остроту необходимость такой демаркации приобретает в нашем случае публичной научной коммуникации с участием экспертов, когда стремление преодолеть неопределенность толкает на проведение демаркации, между теми, кто говорит научно и кому следует доверять, а также теми, кто высказывает пусть и заинтересованные, но дилетантские суждения. При этом научность суждения задается порой имеющимися степенями и должностями говорящих, а не их способностью, включившись в дискуссию, продемонстрировать в ней обоснованность знания, достоверность аргументации. Если же такая демаркация, воспроизводящая эпистемическое неравенство, не проводится, возникает ситуация непреодолимой неопределенности, проблематичности доверия и, как следствие, откладывания или отсутствия решений. Так, например, происходит с принятием решений в области изменений климата, когда оказывается, что честность, открытость и прозрачность как условия взаимодействия избыточны и мешают принятию решений, которые должна обеспечивать публичная научная коммуникация [17]. Возможны также ситуации, когда открытость обсуждений и диалог между экспертами и дилетантами, обеспечиваемые цифровыми технологиями, противоречат интересам третьего заинтересованного участника принятия решений – централизованной власти. Например, в ситуациях естественных или техногенных катастроф на обсуждение экспертных высказываний объективно нет времени, поскольку решения безотлагательны. Это может происходить также в случаях, когда субъективно централизованная власть не заинтересована в представлении вариативной информации и аргументов, в обсуждении их, поскольку уже имеет свое предварительное решение и лишь нуждается в его легитимации посредством первичного доверия граждан. В этих ситуациях открытость, предоставляемая цифровыми технологиями, оказывается избыточной именно в силу того, что она продуцирует неопределенность, разрушает первичное доверие и требует времени и усилий на формирование доверия вторичного.

Таким образом обнаруживается, что функция посредничества в коммуникации, обеспечения открытости, прозрачности, всеобщности, которую человек передает цифровым технологиям, в реальных практиках коммуникации оказывается подозрительной, не вызывает доверия, провоцирует рост неопределенности. Речь идет не только о недоверии цифровым технологиям, поскольку они сложны и процессы, происходящие в них не всегда понятны обычному пользователю, не только о недоверии,

связанном с тем, что за ними стоят определенные властные субъекты, использующие их в своих интересах. Цифровые технологии оказываются подозрительны именно в том смысле, в котором они обеспечивают открытость и прозрачность и, тем самым тотальный контроль над всякой субъективностью. Симптоматична в этом смысле осторожность со стороны научного сообщества к использованию блокчейн технологий в ситуациях принятия кадровых решений, выбора победителя в конкурсах научных проектов или при рецензировании публикаций [18]. Также показательны стремления ограничить дискуссии и споры в социальных сетях, касающиеся значимых для общества тематик.

Итак, цифровые технологии, получая широкое публичное распространение, обостряют проблему доверия, всегда существующую в культуре. Благодаря своим функциям тотального распространения информации и эффективного посредничества в коммуникации, провоцирующего активность различных участников, они усугубляют состояние риска и неопределенности, ставящее под вопрос первичное межличностное доверие. Вторичное доверие становится при этом предметом общей работы без гарантированного успеха. Кроме того, оказываясь в определенном смысле воплощением стремления человека к открытости и прозрачности, цифровые технологии вступают в противоречие со столь же естественным желанием сохранения приватности, субъективности. Благодаря цифровым технологиям современное общество оказывается перед вызовом противоречивого будущего, которое они могут обеспечить. Будущего, в котором парадоксально соединяются неопределенность и необходимость работать над вторичным доверием, а также тотальная открытость и стремление сохранить стабильную, уже существующую идентичность. Окажется ли открытость и прозрачность, обеспечиваемая цифровыми технологиями, лишь властным ресурсом, поддерживающим социальную и культурную иерархию и разделяющим тех общественных субъектов, которые им владеют и тех, которые ему подчинены? Окажется ли ситуация неопределенности непреодолимой, приводящей лишь к необходимости однозначного проведения границы между теми кому доверять и теми, чью позицию и знание не следует учитывать? Или же открытость и неопределенность станут конструктивными основаниями для такой пересборки субъектов культуры, в которой хватит места для творческой активности каждого? Будет ли утопия, сформулированная в последнем предположении, реальностью, – открытый вопрос. Но ответ на него не может не волновать и над ним придется работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
2. Купрейченко А.Б. Доверие и недоверие – общие и специфические психологические характеристики // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. 2008, № 2. С. 46-53.
3. Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. Translated by M. Ritter. London: Sage Publications, 1992.
4. Funtowicz S., Ravetz J. Post-normal science. In Online Encyclopedia of Ecological Economics. 2003. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ce91/a2cf9b7e05411fb5b1b9276b9aaf565bffb2.pdf> (дата обращения 15.10.2019).
5. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. 379 p.
6. Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // Philosophical Psychology. 2014. Vol. 27 (1). P. 34-49.
7. [Casner S.M., Hutchins E.L. What Do We Tell the Drivers? Toward Minimum Driver Training Standards for Partially Automated Cars // Journal of Cognitive Engineering and Decision Making. 2019. Vol. 13\(2\). С. 55-66.](#)
8. Hollan J., Hutchins E., Kirsh D. Distributed Cognition: Toward a New Foundation for Human-Computer Interaction Research // ACM Transactions on Computer-Human Interaction. 2000. Vol. 7(2). P. 174–196.
9. Морина Л.П. Трансформация понятия вещи в современных культурологических концепциях // Studia Culturae. 2018. № 2(36). С. 88-96.
10. Соколов Б.Г. Понять вещь: Гегель // Studia Culturae. 2018. № 2(36). С. 97-109.
11. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательство ВШЭ, 2014. 384 с.
12. Ceruzzi P. The Historical Context // The Sage Handbook of Digital Technology Research / S. Price, C. Jewitt, B. Brown (eds.). London: Sage, 2013. P. 9-25.
13. Соколова Н.И. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8) С. 6-10.
14. Peters H.P. Scientists as public experts: expectations and responsibilities // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology / M. Bucchi, B. Trench (eds.) London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. P. 70-82.
15. Tucker A. The Generation of Knowledge from Multiple Testimonies // Social Epistemology. 2016. Vol. 30(3). P. 251–272.
16. Тульчинский Г.Л. Лисенкова А.А. Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. №2 С. 233-242
17. John S. Epistemic Trust and the Ethics of Science Communication: Against Transparency, Openness, Sincerity and Honesty // Social Epistemology, 2018. Vol. 32(2). P. 75–87.
18. Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 388—409.

TRANSLIT

1. Dovere i nedovereie v uslovijah razvitija grazhdanskogo obshhestva / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
2. Купрейченко А.Б. Dovereie i nedovereie – obshhie i specicheskie psihologicheskie karakteristiki // Vestnik RUDN, serija Psihologija i pedagogika. 2008, № 2. S. 46-53.

3. Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. Translated by M. Ritter. London: Sage Publications, 1992.
4. Funtowicz S., Ravetz J. Post-normal science. In Online Encyclopedia of Ecological Economics. 2003. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ce91/a2cf9b7e05411fb5b1b9276b9aaf565bffb2.pdf> (дата обращения 15.10.2019).
5. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. 379 p.
6. Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27 (1). P. 34-49.
7. [Casner S.M., Hutchins E.L. What Do We Tell the Drivers? Toward Minimum Driver Training Standards for Partially Automated Cars // *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*. 2019. Vol. 13\(2\). С. 55-66.](#)
8. Hollan J., Hutchins E., Kirsh D. Distributed Cognition: Toward a New Foundation for Human-Computer Interaction Research // *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*. 2000. Vol. 7(2). P. 174–196.
9. Morina L.P. Transformacija ponjatija veshhi v sovremennykh kul'turologicheskikh koncepcijah // *Studia Culturae*. 2018. № 2(36). S. 88-96.
10. Sokolov B.G. Ponjat' veshh': Gegel' // *Studia Culturae*. 2018. № 2(36). S. 97-109.
11. Latur B. Peresborka social'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuju teoriju. M.: Izdatel'stvo VShJe, 2014. 384 s
12. Ceruzzi P. The Historical Context // *The Sage Handbook of Digital Technology Research* / S. Price, C. Jewitt, B. Brown (eds.). London: Sage, 2013. P. 9-25.
13. Sokolova N.L. Cifrovaja kul'tura ili kul'tura v cifrovuju jepohu? // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. 2012. № 3 (8) S. 6-10.
14. Peters H.P. Scientists as public experts: expectations and responsibilities // *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* / M. Bucchi, B. Trench (eds.) London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. P. 70-82.
15. Tucker A. The Generation of Knowledge from Multiple Testimonies // *Social Epistemology*. 2016. Vol. 30(3). P. 251–272.
16. Tul'chinskij G.L. Lisenkova A.A. Problema doverija i sovremennye informacionno-komunikativnye tehnologii // *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2016. Tom 5. №2 С. 233-242
17. John S. Epistemic Trust and the Ethics of Science Communication: Against Transparency, Openness, Sincerity and Honesty // *Social Epistemology*, 2018. Vol. 32(2). P. 75–87.
18. Kosmarskij A. A. Blokchejn dlja nauki: revoljucionnye vozmozhnosti, perspektivy vnedrenija, potencial'nye problemy // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2019. № 2. S. 388—409.

STUDIA CULTURAE**ТОМ 3, № 41, 2019**

- ББК 87 Studia Culturae. 3 (41) 2019. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры, 2019. – 262 с.
- S 60 В очередной выпуск журнала вошли научные статьи, посвященные изучению актуальных проблем теории и истории культуры, философии культуры, эстетики и философии искусства, истории и культурологи областничества. Издание предназначено для всех, интересующихся философией, культурой и искусством.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б.Г. Соколов

МАКЕТ

Ю.М. Мальцева

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Е. Соколова

Подписано в печать 30/09/2019